

Доктор Крейг Кинер, Деяния, лекция 22, Деяния 23-26

© 2024 Крейг Кинер и Тед Хильдебрандт

Это доктор Крейг Кинер в своем учении по книге Деяний. Это 22-я сессия, главы 23-26 Деяний.

В главе 22, стих 30 – главе 23, стих 10 мы читаем о слушании Синедриона.

Теперь Хилиарх, трибун Клавдий Лисий созывает Синедрион на заседание по поводу Павла. Это не значит, что они все равно не встретятся. Члены Синедриона, вероятно, встречались регулярно, но трибуна требует оценки.

Ему нужна их официальная экспертиза, прежде чем он сможет отправить Пола к губернатору. Крики толпы были сбиты с толку, и теперь он получит официальную точку зрения, которая, как он надеется, не смутит. К сожалению, он оказывается неправ.

Анания был первосвященником с 47 года до примерно 58 или 59 года. И так, как упоминается в Деяниях, он все еще является первосвященником на данный момент, но он оскорблял. Мы читаем у Иосифа Флавия всякие плохие отзывы об этом первосвященстве.

И снова Талмуд говорит о том, что некоторые первосвященники избивали людей дубинками и так далее. Революционеры настолько его не любили, что он был одним из первых, убитых ими. И так, когда Павел говорит: «Бог поразит тебя, ты, побеленная стена», которую осуществили революционеры.

Он приказывает ударить Пола по щеке, что является серьезным оскорблением. Обычно это не предназначено для того, чтобы выбить человеку зубы. Обычно удар по щеке воспринимался как оскорбление.

Фактически это было уголовно наказуемое деяние по закону. За это вас могут оштрафовать. И во многих древних юридических сборниках это ставилось рядом с *lex talionis*: око за око, зуб за зуб.

Если кто-то ударит тебя по щеке, вот какой штраф придется заплатить. Он не должен был этого делать. Очевидно, что приказ бить кого-то был нарушением юридической этики, как это было в Иоанна 18, когда били Иисуса.

Иисус ответил, и Павел тоже ответил. Павел отвечает: «Вы побелили стену», намекая на Иезекииля 13, стихи с 10 по 15, где коррупция была скрыта или прикрыта побелкой. Теперь люди отвечают: как вы смеете так обращаться к

Божьему первосвященнику ? На что Павел отвечает: «О, братья мои, я не знал, что он был первосвященником».

Среди ученых ведутся большие споры о том, действительно ли Павел не признавал его первосвященником или же Павел говорит это с сарказмом или иронией. Ну, некоторые люди говорят, что Павел был близоруким, как и я, и именно поэтому Павел сказал, что не признавал себя первосвященником, потому что первосвященник носил бы свои официальные регалии. Это не очень хороший аргумент.

Они говорят: ну, сказал Павел, я был болен, когда был с вами в Галатии, Галатам 4:13. Это правда. Но и там говорит, что ты бы, свидетельствую, ты бы вырвал глаза свои и отдал их мне. Итак, люди говорят, что, должно быть, у Пола было что-то не так с глазами.

К несчастью для этого аргумента, это была знакомая фигура речи. В других местах древней литературы оно встречается как способ проявить привязанность или готовность пожертвовать собой ради другого человека. Это не значит, что с глазами Пола что-то было не так.

Да и вообще, спор был бы не нужен, потому что первосвященник не носил бы своих регалий. Это было связано с его священническими обязанностями. Это было не для председательства в Синедрине.

Первосвященник не был бы тем первосвященником, которого знал Павел, но из-за его официальной роли на собрании, возможно, из-за его места, я подозреваю, что Павел, вероятно, действительно осознавал, что это был первосвященник. И поэтому я подозреваю, что Павел, вероятно, иронизировал, был саркастичен. Но в любом случае Павел отвечает по закону.

С их стороны было действительно лицемерно говорить: как вы смеете так отвечать Божьему первосвященнику, если первосвященник не действовал по закону и приказал его ударить. Но Павел цитирует закон или Священное Писание, когда говорит: «Вы, побеленная стена». Павел говорит как человек, соблюдающий закон, а не первосвященник.

И Павел цитирует Священное Писание, когда говорит: «Извините, может быть, это иронично, но я не осознавал, что он был первосвященником». Опять же, на этот счет существуют разные точки зрения. Но Павел цитирует Священные Писания, поскольку Писание говорит: «Не злословь начальника народа твоего».

Первосвященники были... римский правитель по своему желанию назначал первосвященников и низлагал первосвященников. Или в этот период Агриппа мог это сделать. Агриппа II, сын Агриппы I, умершего в 12-й главе Деяний.

Итак, Павел цитирует Священное Писание, не признавая нынешнего первосвященника, возможно, намеренно не признавая его. Возможно, он также апеллирует к некоторым консервативным еврейским чувствам, потому что первосвященник мог, как вы знаете, не быть марионеткой Рима, но должен был действовать в определенных границах. Пол продвигает свой идеал.

Ранее я упоминал пафос, апеллирующий к эмоциям. Этос был обращением к характеру, очень частым и очень важным в риторике. Вы найдете это повсюду в древних речах.

Кто-то спорит о своем характере. Я не тот человек, который сделал бы такой плохой поступок. Или я тот человек, который сделал бы это хорошее дело.

Что ж, Павел утверждает свой идеал, свой характер, показывая, что он человек Священного Писания. Он может цитировать Священные Писания. Его волнует справедливость.

Однако пока он не добивается никаких успехов в попытках продемонстрировать свою принадлежность к своей еврейской культуре. Тот факт, что его так воспитали или что-то в этом роде. Итак, наконец, в шестом стихе он говорит: братья, я фарисей, сын фарисеев.

И причина, по которой меня судят, — это воскресение мертвых, которое было отличительной чертой фарисеев в отличие от саддукеев. Павел действительно придерживался особых убеждений фарисеев. Он также придерживался не только отличительных верований фарисеев.

Он верил, что не только произойдет воскресение мертвых, но и что Иисус воскрес из мертвых. «Сын фарисеев» мог означать, что он был учеником фарисейского движения, но это могло означать и то, что вся его семья переселилась в Иерусалим и что его отец был фарисеем, так же как и Павел был фарисеем. В любом случае фарисеи составляли меньшинство в Синедрионе и, вероятно, были очень чувствительны к дискриминации в тот момент.

Помните, что именно Гамалиил ранее защищал здесь Петра и других апостолов. Именно фарисеи также защищают Павла. Они защищают его откровение.

Они сказали: ну что мы знаем? Возможно, с ним разговаривал ангел или дух. Что же они под этим подразумевают? Возможно, вы помните наш комментарий из 12-й главы Деяний о том, что иногда евреи верили, что после смерти человека он становится ангелом. Конечно, они стали как минимум духом.

Итак, фарисеям не обязательно соглашаться с ним, что Иисус уже воскрес из мертвых, но есть кто-то, кто верит в воскресение. Из Деяний 15:5 мы знаем, что были некоторые верующие фарисеи. Мы знаем, что на данный момент это движение пользуется большим уважением среди фарисеев, потому что они соблюдают Тору.

Они соблюдают даже внешне многие традиции фарисеев. Никто особо не раскачивает лодку. Это поколение фарисеев кажется более открытым и может сказать: ну, может быть, Иисус и не воскрес из мертвых, но, может быть, он дух или ангел.

Возможно, он действительно говорил с Павлом, потому что в 22-й главе Деяний они, возможно, уже получили сообщение, возможно, некоторые из них были там, что в Деяниях 22 Павел говорил, что Иисус явился ему и Иисус говорил с ним. Что ж, внутри Синедриона вспыхивает конфликт. Фарисеи тянут с одной стороны, саддукеи тянут с другой.

И на самом деле в то время это был отвратительный способ убийства людей, когда их можно было разорвать на части, но также он есть и в некоторых других документах, где люди, которым человек нравился и не нравился человек, или два человека, которым этот человек нравился, были каждый тянет в разные стороны. В данном случае трибун, он смог услышать то, что было сказано. Итак, он свидетель.

Он не ввел войска в зал совета, который, согласно раввинской традиции, впоследствии стал залом Юм-Стоуна на Храмовой горе или очень близко к Храмовой горе. Иосиф Флавий, кажется, в любом случае помещает это очень близко. Итак, мы думаем, что знаем, где это находится, и это скоро будет интересно.

Но в любом случае его войска находятся снаружи, а он там, наверху зала. Он способен слышать, что говорят люди. Он может стать свидетелем того, как первосвященник приказал ударить Павла.

Он слышит разговор, предположительно происходящий на греческом. Вероятно, Павел начал с того, что говорил по-гречески, и, вероятно, саддукеи часто говорили по-гречески. Это есть на многих надписях на их могилах.

Так что, в любом случае, Клавдий Лисий смог проследить кое-что из этого и увидеть, что это внутренний религиозный вопрос. Павел был действительно умен, потому что он знал, что будет стоять перед римским судом. У него был опыт в этом.

Таким образом, он следит за тем, чтобы обвинение, вынесенное на слушаниях в Синедрионе, было религиозным вопросом. Возможно, его не посчитали. Однако он, возможно, не рассчитывал на то, что его разлучат фарисеи и саддукеи.

В этот момент вмешивается Лисий и посылает войска, чтобы снова вытащить Павла. Итак, позже, когда он скажет, что спас Пола намеренно, ну, по крайней мере, в этом будет доля правды, хотя в первый раз, когда он спас его, это было не так. Мог ли Синедрион поступить подобным образом? Ну, у нас есть подобные драки в зале Сената в Риме.

У нас есть Иосиф Флавий, говорящий о том, что Синедрион зашел так далеко, что его члены бросают друг в друга камни. Я не знаю, привезли ли они их с собой и как они их получили. Вероятно, их не вытаскивали из стен.

Но в любом случае конфликт в Синедрионе был не только по этому поводу. Итак, Клавдию Лисию придется задуматься: что мне теперь делать? И посреди всего этого происходит заговор с целью убить Павла, стихи с 12 по 15. Павел не один из убийц, как предполагалось в 21:38, но некоторые другие люди хотят убить Павла.

И они клянутся не есть и не пить, пока не убьют Павла. Теперь иногда люди задаются вопросом, что бы с ними случилось, если бы им в конечном итоге не удалось убить Пола. Извините, если нарушаю интригу.

Но что бы с ними случилось? Они могли умереть от голода или умереть от обезвоживания, но, скорее всего, они этого не сделали. В то время вы могли попросить раввина или человека, знающего закон, освободить вас от присяги при определенных обстоятельствах. Таким образом, они, по-видимому, выжили бы, по крайней мере, еще какое-то время, хотя, если бы они продолжали в том же духе, они, несомненно, были бы среди революционеров и были бы мертвы в течение десятилетия.

Но в любом случае это были молодые люди. И помните, молодость часто ассоциировалась с рвением, со страстью разного рода. Они физически смогут нанести удар.

И это также было связано с националистическим рвением. Иосиф Флавий говорит, что особенно молодые люди хотят участвовать в боевых действиях. И что некоторые молодые священнические аристократы симпатизировали революционерам.

Вот почему они говорят, что их план состоит в том, чтобы связаться с некоторыми людьми в Синедрионе и заставить Синедрион попросить снова

привести Павла. А потом по дороге убьют Пола. Это не означает, что все в Синедрионе были бы замешаны в этом, но у них были бы сочувствующие в Синедрионе, которые могли бы быть замешаны в этом.

И это вызывает беспокойство позже, в 25-й главе, когда Павла должны привести в Иерусалим. Ну и откуда тогда знали о заговоре? Лука, вероятно, может предположить это, основываясь на том, что было известно ранее. Есть утечка.

И, как я уже говорил, утечки информации происходили постоянно, в том числе и из Синедриона. Иосиф Флавий сообщает об одном случае, когда несколько людей были посланы убить его или вернуть обратно в качестве пленника. Итак, племянник Пола тоже молодой человек, и люди могут не знать, что он племянник Пола.

В любом случае кто-то кому-то рассказывает, и племянник Пола, у которого могут быть друзья в кругу, где об этом слышали, приходит предупредить его. Ну и как он собирается попасть в крепость Антония? О, позвольте мне прежде сказать кое-что о том, как бы сработал этот заговор. От крепости Антония, где содержался Павел, до вероятного места Синедриона всего около 1000–1500 футов, или 300–450 метров.

И маршрут там довольно узкий, с одной стороны храма. Это означает, что римляне не могут зависеть от своей численности. Если в центре их колонны, где находится Пол, произойдет молниеносная атака, они смогут быстро убить Пола.

И если кого-то из них убьют в процессе, что ж, в любом случае это было частью их плана. Они были готовы это сделать. Это потенциальная атака террориста-смертника.

Они верят, что в таких обстоятельствах они стали бы мучениками. Итак, около 40 из них не превзойдут численностью солдат, но они превзойдут численностью солдат в определенном месте этой колонны, идущей по этому узкому маршруту. Между тем, они могут просто вести себя так, будто просто стоят в районе храма, как делают многие и многие другие люди.

Так как же получается, что Пола не убивают, а солдат вокруг него не убивают? Что ж, его племянник узнает об этом и направляется в крепость Антония, вероятно, ближе к вечеру или ранним вечером. Охранники могли пускать посетителей. Часто за это брали взятки.

Вот почему позже Феликсу приходится отдать приказ центуриону, отвечающему за Павла, позволить своим друзьям навещать его и служить ему. Это также экономит государственные деньги. Но в любом случае Феликса это не волновало бы.

Но это произойдет потому, что он знает, что Пол невиновен. Но взятки были для охранников обычной практикой. Но Павел — гражданин Рима, поэтому к нему уже относятся по-особому.

Один из вопросов особого отношения, у него есть центурион в качестве одного из охранников. Обычно центуриона можно будет охранять только в том случае, если вы находитесь достаточно высоко. Я имею в виду, именно это случилось с группой первых.

Когда он находился под стражей, его охранял сотник. Это показывает относительно высокий статус Павла. Ну, Лисий, вот история племянника Павла.

Павел велит племяннику никому не рассказывать, кроме Флавия Лисия. Он знает достаточно, чтобы доверять Лисию в этот момент или настолько, насколько это возможно. Настоящего выбора нет.

Потому что, если пойдет слух, что племянник рассказал это, и слухи когда-нибудь дойдут до убийц, ваш племянник все еще будет в Иерусалиме. Итак, он идет и просто рассказывает Хилиарху, трибуну Клавдию Лисию. Когда он подходит, Клавдий Лисий берет его за руку, что является привычным способом показать, что ему не следует бояться или приветствовать человека.

И он узнает, что происходит. Что ж, он не может отказать в просьбе Синедриона. Если Синедрион попросит Павла прийти, если он скажет: нет, я не пошлю Павла к вам, это оскорбление Синедриона.

Если он скажет: «Я не буду посылать к вам Пола, потому что я слышал об этом заговоре, это навлечет на людей неприятности». Итак, он не отказывает в просьбе Синедриона. Он упреждает это.

Он отправляет Павла прямо к губернатору Феликсу. И он отправляет с собой письмо, в котором объясняет обстоятельства. Это не объясняет всех обстоятельств.

Против него был сформирован заговор, но он не обвиняет Синедрион, потому что как только это письмо будет отправлено, оно станет частью публичного досье. И было бы очень неудобно быть трибуном в Иерусалиме, командующим когортой, а у тебя теперь весь Синедрион в числе врагов. Итак, он не делает вид, будто отклоняет просьбу.

Он не делает вид, что обвиняет их в чем-то. Он просто неожиданно отправляет Пола. Он посылает большую часть своей когорты, некоторые когорты, самые большие когорты.

И это был переходный период. Мы не знаем точно, когда эта когорта стала стандартизированной по размеру, но в некоторых когортах насчитывалось 600 военнослужащих. Ранее это было 480 военнослужащих.

Некоторые когорты имели 480 пехотинцев плюс 120 кавалеристов. Лисий посылает и конницу, и пехоту, и, по-видимому, посылает большую часть своей когорты. Теперь это сразу после праздника Пятидесятницы, и во время праздников пополнялась когорта в Иерусалиме в крепости Антония.

И, возможно, этот губернатор, который, как мы увидим, был некомпетентен, не появился. Он только что послал войска, а они еще не все вернулись. Так что, возможно, некоторым из этой кавалерии все равно придется вернуться.

Но в любом случае он посылает с Полом значительное количество солдат, большее, чем можно было бы ожидать. Но опять же, на Иудейских холмах участились ночные засады. И Иосиф Флавий об этом говорит, винит Феликса в неправильном управлении, потому что если тебя за что-то арестовали, в том числе за участие в ночной засаде, то ты попал в плен живым, ты заплатил достаточно денег, ты отделался, ты вышел на свободу.

Итак, из-за коррупции в этот период участилось количество засад, и это предотвратило бы засаду, если бы у вас было больше войск. И если вы удержали засаду, это было лучше, чем сражаться с засадой, потому что чем больше людей вы потеряете в бою, тем больше проблем может быть у трибуна. Если он никого не потеряет, он в хорошей форме.

Итак, он отправляет войска, и они отправляются в форсированный ночной марш к Тиберию Клавдию Феликсу. Теперь он мог быть Тиберием Антонием Феликсом. Есть разница между тем, что говорит Иосиф Флавий, и тем, что говорит Тиберий, но Иосифа интересовала более конкретная местная ситуация.

Тацит, возможно, просто предположил, что его брат Паулюс Феликс имел того же покровителя для своего статуса вольноотпущенника, что и его брат. Так что, вероятно, Иосиф Флавий прав. В любом случае, вероятно, Тиберий Клавдий Феликс — его полное имя.

Вероятно, он находился на своем посту примерно с 52 года и, вероятно, закончил около 59. Официальное письмо Феликсу станет частью юридического досье. Вот почему Лука, по-видимому, может точно процитировать это, или Лука может изменить формулировку, если захочет.

Перефраз был принят. Но у Люка будет доступ к этому письму, когда они будут в Кесарии, потому что к нему будет иметь доступ как команда защиты, так и

обвинение. Точно так же, как у Луки также были бы краткие стенограммы всех речей, приведенных в Деяниях 24:25, которые на самом деле кратко изложены, и 26, речей, произнесенных Павлом и его обвинителями, особенно Тертуллом в Деяниях, глава 24.

Люк будет иметь к ним доступ, когда будет что-то писать. И он, возможно, был там в Деяниях 26, вероятно, не в Деяниях 24, но он, вероятно, не знал бы о том, ну, возможно, он был в состоянии путешествовать во времени, но, вероятно, нет. А к Феликсу обращаются как к превосходнейшему Феликсу.

Это был подходящий титул для представителя римского рыцарского класса, чуть ниже сенаторского. Ну, и к высшим людям тоже можно так обращаться, но к рыцарям так бы обращались. Но Феликс не тот.

Он вольноотпущенник, но он могущественный вольноотпущенник, потому что его брат, освобожденный раб в римском дворце, обладал большой властью. Он уже не находится в той же позиции власти, что и раньше, но у него все еще есть некоторая политическая власть. Итак, Феликс — правитель и поэтому получает звание превосходнейшего.

Клавдий Лисий, то, как он объясняет произошедшее, создает впечатление, что он спас Павла намеренно. И Пол не таков, вы знаете, Пол, будучи проинформирован о письме, вряд ли будет противоречить этому, потому что, вы знаете, вы не подрываете авторитет своего благодетеля, если только, вы знаете, он не подвергся перекрестному допросу и у него не было выбора, но, вероятно, он не станет противоречить словам Лисия о том, что Лисий спас его, что Лисий вроде и сделал во второй раз. Войска отправляются с Павлом и его письмом в форсированный ночной марш.

Теперь некоторые люди говорят, что Антипатрис был слишком далеко, чтобы они могли пройти в одночасье. И это кажется разумным возражением. А также возражения против количества отправленных войск.

Люка, в конце концов, там не было. Люка не было в крепости Антонии. Он догоняет Павла только позже в Кесарии.

Однако по причинам, которые я изложил, я не вижу оснований утверждать, что было отправлено такое количество войск, неправдоподобно. А что касается форсированного ночного марша, то римские солдаты делали это регулярно. Они должны были заниматься спортом ежедневно.

Вероятно, не все из них это делали, но периодически совершали форсированные марши на 20 миль или 32 километра. Иногда они совершали

форсированные марши на 30 миль или 48 километров. Иногда их заставляли делать это всю ночь напролет.

Значит, их этому обучали. Сейчас Антипатрис находится где-то между 35 и, по более длинным оценкам, 45 милями или 55–70 километрами отсюда, но это под гору. И поэтому, по-видимому, они могли бы сделать это, если бы пришлось.

В условиях войны иногда люди поступают подобным образом. Это спуск. Они доходят до Антипатрисы, ну, мы не знаем, в какое время утра они туда добираются, но, вероятно, уходят рано вечером, как только стемнеет.

А пехота, наверное, может, знаете, должна развернуться и вернуться в крепость в Антонии. Было бы здорово, если бы они вернулись до того, как люди поймут, что они все пропали. Но будет день.

Большинство засад произошло ночью. Конница продолжила свой путь из Антипатрисы, которая находилась примерно на полпути к Кесарии. Мы знаем римские дороги.

На самом деле, в этот период ведутся споры о местонахождении Антипатриса, но мы знаем дороги, взятые из римских памятников. А затем оттуда всадники идут в Кесарию, доставляют Павла и доставляют письмо. И Лисий читает письмо.

Большинство людей читают вслух, поэтому, вероятно, он или кто-то, читающий для него, что также может означать этот язык, прочитал письмо вслух. Пол может это услышать, если он не слышал этого раньше. А еще губернатор Феликс спрашивает, из какой провинции он родом.

Ну, он родом из Киликии. И тогда Феликс решает заняться этим делом сам, потому что он мог бы передать его кому-нибудь другому и снизить свою рабочую нагрузку. Но если Павел родом из Киликии, то в этот период Киликией управлял также наместник Сирии, который является начальником Феликса.

И вместо того, чтобы давать своему боссу большую нагрузку, он решает, что справится с ней сам. Как только придут обвинители, сможет прийти Клавдий Лисий, его собственный трибун. Вот, Клавдий Лисий, кстати, не обязательно был, ну, наверное, не был вольноотпущенником.

На самом деле он не был вольноотпущенником. Он купил гражданство. Но, как и губернатор Феликс, он не был обычным человеком для этой должности.

Феликс не принадлежал к обычному классу, из которого выбирались губернаторы. А Клавдий Лисий не был из той нормальной группы, из которой выбирались трибуны. Обычно трибунами были римляне-аристократы.

Так что, возможно, у них там была какая-то связь. Возможно, у них был некоторый уровень дружбы. Мы знаем, что центурионы иногда дружили с трибунами.

А трибуны иногда могли дружить с губернаторами. В любом случае Феликс, вероятно, более склонен верить своему трибуну, чем первосвященнику. Но с первосвященником у него порой были не самые лучшие отношения.

Но через несколько дней приходят первосвященники. И Пола, вероятно, вызовут в кратчайшие сроки, как только они придут. Обвинители говорят первыми, как это было принято.

Они заставляют Тертулла говорить от их имени. Тертулл, судя по его имени, мог быть римским гражданином. Это было бы разумным шагом со стороны аристократических священников, которые хотят, чтобы Анания был в беде.

Итак, у них есть кто-то, кто может красноречиво говорить и кто является римлянином. Мы получили лишь краткое изложение его выступления. Но опять же, в судебных документах вы найдете краткое изложение.

Люди записывали это стенографически, но в основном записывали краткое содержание. Вот что вошло в записи. Пол отвечает.

И здесь я хочу остановиться немного подробнее. В Деяниях 24:10-21 встречаются некоторые риторические приемы. В стихе 21 он восхваляет судью. Ну, это было принято в дебюте.

Он хвалит его более скупой, чем Тертулл, который льстит ему и говорит вещи, которых мы не ожидаем. В речи Тертулла говорится, что Феликс установил мир в стране и известен своим хорошим управлением. На самом деле это было абсолютно неверно.

Но это действительно соответствует теме: ну, раз вы хотите сохранить мир и подавляете подстрекательство, вот случай, когда вам следует его подавить. Но Павел хвалит судью, но это более скудная и более точная похвала. Вы долгое время были судьей этого народа.

Итак, я знаю, что вы понимаете кое-что об этой культуре. И, конечно, Феликс, позже мы слышим, кажется, около 24-го стиха, что Феликс знал о пути, движении христиан. Его женой была Друзилла.

Друзилла была сестрой Агриппы II и Берники. Она была дочерью Агриппы I. И так, он был женат на еврейской принцессе. Он многое знал о том, что происходит в Иудее.

И еще, он был там долгое время. И так, он кое-что знал об этом пути и знал, что это не было политически подрывным движением. Это одна из причин, по которой он не осуждает Пола.

Но в любом случае он восхваляет судьбу в 10 стихе. В 11 стихе Павел повествует о событиях, приведших к этому делу. Это было стандартом в защитных речах и многих других речах того времени.

Вы начнете с комплиментарного увещевания, восхваляющего аудиторию, а затем перейдете к повествованию или повествованию о событиях, приведших к делу. Его даже не просто использовали в речах. Иногда его использовали и в некоторых других жанрах.

Ну, в своем повествовании о событиях он сказал, знаете, я приехал всего 12 дней назад. Это могли подтвердить многие свидетели, которые даже упоминались в книге Деяний. 12 дней назад я пришел.

Это даст понять, что он приехал на фестиваль. Он не появлялся в любое время. Он собирался на праздник Пятидесятницы.

Таким образом, это подчеркивает его благочестие. И так, это вписывается в аргумент характера от этоса. То есть, вы знаете, он пришёл служить Богу.

Для этого было много свидетелей. И так, стих 12: что касается бунта, то я не вызывал бунта. Я даже не выступал в синагогах.

Я не пробыл здесь даже достаточно долго, чтобы выступать в синагогах. И вы знаете, устраивать беспорядки было преступлением, караемым смертной казнью. И так, это то, с чем Павлу придется разобраться прямо сейчас, с точки зрения обвинений против него.

Часто в речи кто-то сразу заявлял о вопросах, которые он опровергал. По латыни это можно было бы назвать опровержением. В стихе 13 он говорит, что они не могут доказать то, что утверждают.

В деле о смертной казни бремя доказывания несли обвинители. Поэтому, если они не смогут доказать свою правоту, ее следует выбросить. Ораторы часто говорили это о другой стороне.

Фактически, в Деяниях 25, когда люди обвиняют Павла, Лука говорит, что они утверждали многое, чего не могли доказать. Они не могли предоставить доказательств. Теперь, если они хотели связать Пола с беспорядками, им не нужно было на этом останавливаться.

Они могли бы обойти и собрать документы из других мест. Люди из Эфеса могли бы, после того как они вернулись в Эфес, они могли бы быть уверены, что придут в следующем году, они могли бы принести с собой документы, в которых они могли бы засвидетельствовать, что Павел был связан с беспорядками в Эфесе. Но даже там, я имею в виду, доказать, что он начал бунт, будет сложнее.

Вот почему Лука приводит вам все эти доказательства в Деяниях, где Павел не был тем, кто начал эти беспорядки. В 14-м стихе он сказал: «И вот в этом я исповедую вас, что я поклоняюсь Богу таким образом». Что ж, это было великолепно в древней судебной риторике и древней юридической риторике.

Было здорово. Люди часто признавались в вещах, которые не были преступлениями. Это приносит вам доверие в других вещах, потому что вы исповедуете это.

Признаюсь, что делаю то, что некоторым не нравится, но это не противозаконно. Поэтому его нельзя привлечь к ответственности. Выступающие иногда признаются в том, что не совершали преступлений.

Это то же самое обвинение, которое Павел выдвинул из Синедриона. И что Клавдий Лисий, таким образом, является свидетелем и свидетельствует в своем письме, что это всего лишь религиозный вопрос. И Пол заботится о том, чтобы это снова вошло в протокол суда.

Это публичный отчет. Единственное, что они действительно имеют против него, это то, что они не согласны с ним по некоторым религиозным вопросам, что не может считаться преступлением, караемым смертной казнью по римскому праву. Пол очень умный человек.

Это также подчеркивает его набожность, потому что, эй, они возражают против того, как он поклоняется Богу, но он поклоняется Богу. Стих 15: он верит в воскресение. Ну, опять же, это уже есть в судебном документе.

Но вера в воскресение, в то время как саддукеи, Анания и другие, пришедшие обвинить его, сопротивляются воскресению. Они с ним не согласны, но именно они придерживаются точки зрения меньшинства. Воскресение — основная еврейская вера.

И Феликс, женатый на Друзилле, знал бы это. Если вы собираетесь казнить Павла за веру в воскресение, вам придется казнить фарисеев. Вам придется казнить большую часть людей.

Так что это было общеизвестное местное знание. И им нечего сказать. Такой же вердикт был вынесен и на слушаниях Синедриона.

Вот почему против него там подняли бунт. В стихе 16 он говорит, что его совесть чиста. Он сказал это еще в 23-й главе, и первосвященник приказал избить его, потому что ему это не понравилось.

Но его совесть чиста. Опять же, это утверждение этики. Это все равно, что сказать: ну, вы знаете, я раньше не был осужден за преступление.

Я действовал благочестиво перед Богом. Подобные вещи говорил оратор защиты, защищаясь в суде, и если бы ему поверили, его бы обычно отпустили, потому что вы не думаете, что кто-то просто становится преступником или поднимает беспорядки прямо в этот момент. А в стихе 17 мы узнаем больше о его идеалах, больше о его характере.

В стихе 17 он говорит: «Я пришел принести милостыню народу моему». Здесь мы узнаем о собрании Павла в Деяниях. И Лука не уточняет, что это было только для верующих, но это определено было для многих людей в Иерусалиме.

Тот факт, что они верующие, этого не меняет. И вот он пришел принести деньги своему народу. Это почетное дело.

И кто сможет на это пожаловаться? Свидетелей этому было немало. Так что никто не сможет этого отрицать. Обвиняемые иногда утверждали, что меня судили за благодеяние моему обвинителю, что делало обвинителя еще хуже.

Мы видели это еще в четвертой главе, где говорилось, что если нас будут судить за благодеяние, сделанное этому человеку, который стоит перед вами целым, это выставит обвинителей в очень плохом свете. Однако стихи 18 и 19 действительно доказывают суть. Он говорит, что на меня напали в храме.

Это не он начал бунт. Это сделал кто-то другой. Храмы должны были быть местом святилища.

Человек должен быть защищен в таком месте, как храм. И он продолжает говорить, и мои обвинители, которые должны были быть здесь, если бы им было что сказать. Теперь он прерывает предложение.

Здесь многоточие, где он не заканчивает предложение. Но было обычным делом снимать обвинения с обвинителей. Также было обычным делом вовлекать их в это, подразумевая это, намекая на это, а не заявляя об этом явно.

И Пол, кажется, делает это здесь, где он прерывает это. Знаете, не я устроил бунт в храме, а мои обвинители, подтверждает повествование Луки. Да, именно его обвинители начали бунт.

Неудивительно, что они не появились. И Павел, кажется, подразумевает это. Знаете, еще кое-что важное: вы выдвигаете обвинения против обвинителей.

И в данном случае он мог бы сделать это легко. И повествование Луки показывает, что он мог легко это сделать. Если обвинители не явятся, дело может быть прекращено, должно быть прекращено.

Обвинителей, которые начали эту проблему, можно даже привлечь к ответственности за трату времени судьи, когда они представили что-то в суде, а затем не явились для дачи показаний. Их могут привлечь к ответственности за отказ от дела. Обвинителей нет.

Первосвященник взялся за дело, но свидетелей у них нет. Свидетели не явились. Вероятно, они уже вернулись в Эфес и, вероятно, поступили мудро, не задерживаясь там.

Но этого было бы достаточно, чтобы его дело было прекращено в суде. Но более того, дело должно быть прекращено по той причине, что оно продолжается. Вы часто говорите, что приводите аргументы в пользу конца.

И в конце своей речи он демонстрирует, что единственное обвинение, возникшее на слушаниях в Синедрионе, — это обвинение, которым Павел как бы маневрировал. Но единственное обвинение, которое из этого вытекало, было связано с религией. Я не осквернял храм.

Я не сделал ничего другого из того, что они сказали. Я не устраиваю смуту. Это потому, что я проповедую воскресение.

И это было ясно уже на слушаниях в Синедрионе, свидетелем которых стал Лисий и о которых вам рассказал. По любым стандартам римского правосудия доводы Павла были настолько ясными, что это дело следовало прекратить в суде. Его следовало немедленно освободить.

Почему Павел продолжал находиться под стражей? Только по политическим причинам. Его обвинители имели очень высокий статус. Теперь, если бы они

имели совершенно высокий статус, а Павел не имел статуса, Феликс, вероятно, передал бы его им и казнил.

Однако у Павла тоже был некоторый статус. Помните, что есть десятки тысяч верующих из Иудеи. Если Павел является лидером этого движения, как на самом деле сказал Тертулл, его обвинитель, то вы знаете, что он главарь секты назареев.

Что ж, если это так, то у Пола есть собственное политическое влияние. К тому же он гражданин Рима. Может быть, его обвинители и есть, но и он тоже.

И если у него найдутся сторонники, если в Рим доберется информация о несправедливой казни римского гражданина, у Феликса могут возникнуть проблемы. Итак, Феликс периодически приглашает Павла зайти и выступить перед ним. И Павел говорит о праведности.

Павел говорит о суде. И Феликс очень нервничает и говорит: «Я расскажу об этом в другой раз». Помните, что это и Феликс, и Друзилла.

У Феликса есть причины нервничать, когда Павел говорит о праведности и так далее. Праведность, самообладание и суждение. В тот период философы-моралисты часто подчеркивали самоконтроль.

Что ж, Феликс женился подряд на трех разных принцессах. А нынешней принцессой, на которой он был женат, была Друзилла. Как я уже упоминал ранее, она была дочерью царя Агриппы I и сестрой Агриппы II и Береники.

Итак, вот эта пара, где он фактически увел ее от ее предыдущего мужа, используя для этого кипрско-еврейского мага, чтобы заполучить ее себе. И это не очень понравилось в ее семье. И это не очень понравилось королю.

Знаешь, это был хороший политический брак. Итак, у него было некоторое отсутствие самоконтроля и некоторая нехватка праведности прямо там, рядом с ним. У Друзиллы было то же самое.

Они сошлись на очень аморальных условиях. А причина, по которой он держал Павла под стражей, говорит Лука в стихе 26, заключается в том, что он просто хотел взятку. Что ж, это соответствует тому, как Иосиф Флавий описывает римских правителей того периода и в этом месте.

Итак, он держит Павла в комфортных условиях во дворце в Кесарии, где и состоялось слушание. И он приглашает его прийти и поговорить по пути Ирода. Антипе часто нравилось слушать, как Иоанн говорит в шестой главе Евангелия от Марка, но он не отпускал его.

И он оставляет Павла под стражей, чтобы оказать услугу евреям, иудейским властям, когда он уйдет. Почему это? Феликсу нужна была всякая услуга, которую он мог получить. В стихе 27 Феликс заменяется.

Его отзывают по обвинению в коррупции, выдвинутому против него первосвященниками. Ну, это может быть очень серьезно. Его предшественник был отозван по обвинению в коррупции и весьма успешному судебному преследованию его предшественника, что привело к весьма тревожным результатам для его предшественника.

Итак, Феликса отзывают в Рим. Мы знаем, что Феликс был коррумпирован. Он не только хотел взятку от Павла, но и подкупил одного первосвященника, чтобы тот убил другого первосвященника.

Он оставил дело Павла на рассмотрении, чтобы получить хоть какую-то благосклонность от иудейских властей из Иерусалима. Губернаторов иногда уличали в коррупции, но его брат Паллас, хотя и был вольноотпущенником и уже не был в хороших отношениях с теми же чиновниками, Паллас все еще обладал властью и, по-видимому, добился Феликса. Итак, Феликсу не предъявили обвинение, но ему пришлось покинуть пост губернатора.

Когда Феликса отозвали, был отправлен новый губернатор, и новым губернатором стал Фест. Теперь Фест был одним из самых справедливых правителей. Он один из немногих, кого Иосиф Флавий действительно изображает довольно хорошо.

Фестус был человеком серьезным. Вы можете видеть это по тому, как быстро он приступает к делу, как только вступает в должность. Он прекрасно ладил с Агриппой и Береникой, но, к сожалению, пробыл на своем посту недолго.

Кажется, он умер на своем посту, может быть, через пару лет. Но Паллада привела к Фесту. Когда Фест сначала отправляется в Иерусалим, чтобы попытаться установить хорошие отношения с этими людьми, которые отозвали его предшественника, но он серьезный человек.

Они хотят, чтобы Павла судили в Иерусалиме. Ну нет. Обычно людей судят в Кесарии.

Вот где живет губернатор и куда он едет. Вместо того, чтобы ждать, пока Пола приведут туда, они просто пойдут туда. Он не знает о сюжете.

Вероятно, он не знает об упоминании о заговоре даже в письме Лисия, потому что только что прибыл туда. Он ничего из этого не слышал. Но на самом деле

это работает в пользу Пола, потому что в результате дело Пола продвигается в списке дел.

Таким образом, Пол получает слушание быстрее, чем в противном случае. Но теперь Пол потерял преимущество того, что произошло ранее, потому что, хотя протоколы суда все еще там, он может апеллировать к ним. Дело действительно начинается заново.

Он открывается заново с новым губернатором. Так вот, большая часть этой главы, начиная со стиха, это 25, большая часть ее, начиная со стиха 13, рассказывает о визите Агриппы II и Вереники к Фесту. Из других источников мы знаем, что Агриппа и Береника часто посещали чиновников в начале своего правления.

Мы также знаем, что у Феста и Агриппы были хорошие отношения, вероятно, в отличие от Агриппы и его зятя, которые испортили предыдущий брак его сестры. У Феста и Агриппы был хороший брак. Жаль, они не были женаты друг на друге, но у Феста и Агриппы были хорошие отношения.

Фактически, иногда они вместе выступали против иерусалимских священников. Часто они сохраняли мир для Рима. Агриппа и Береника были известны этим.

Они пытались остановить восстание. Они сделали все возможное. И Рим был удовлетворен тем, что они действительно сделали все возможное, потому что после восстания Агриппа и Береника остались у власти в его регионе.

Они были еще живы, видимо, в то время, когда Иосиф Флавий писал свои произведения в 90-е годы первого века. Итак, они, несомненно, были еще живы и в то время, когда писал Лука. Я не хочу говорить слишком много плохого о правителях, которые еще живы на тот момент, хотя их отец, Агриппа I, выглядит не слишком хорошо, но и у Иосифа Флавия он не выглядит слишком хорошо.

Бернис, это интересно. На тот момент у нее была очень печальная жизнь, очень трагическая жизнь. Над ней и ее сестрой, по крайней мере, насмеялись и высмеивали, а может быть, и того хуже, когда умер их отец и произошел своего рода бунт или протест среди сирийских вспомогательных войск, дислоцированных в Кесарии.

Что ж, позже она выходит замуж за короля, но брак распадается. Итак, теперь она снова живет со своим братом Агриппой. Были люди, которые говорили, что у них на самом деле были кровосмесительные отношения.

Кажется, это встречается только в ненадежных древних источниках, таких как Ювенал, который любил высмеивать людей. Вероятно, это неправда, но она

была объектом клеветы. Позже, во время осады Иерусалима, она и Веспасиан, Веспасиан был там римским полководцем.

Веспасиан возвращается в Рим, чтобы стать императором. Титу осталось завершить дело по захвату Иерусалима. В результате Бернис и Титус вместе, а у Бернис и Титуса завязался роман.

Дело было так, что, когда Тит позже, спустя много времени после этого, вернулся в Рим, чтобы стать императором, он всегда обещал Беренике, что, если он когда-нибудь станет императором, она станет императрицей. Что ж, хорошо, что этого не произошло, потому что он умер через пару лет в качестве императора. Его отец прожил долгое время.

Но когда Береника отправилась в Рим, надеясь стать императрицей, Иосиф сообщает нам, что никто не впустил ее во дворец, потому что советники Тита заявили, что империя не потерпит еврейскую женщину в качестве императрицы. Очень трагичная жизнь. Но в любом случае Агриппа и Береника были людьми весьма уважаемыми.

Агриппа был человеком, на которого Фест действительно мог положиться в поисках правильной точки зрения. Он не доверял первосвященникам. Они не были любезны с его предшественником.

Он слышал о них всякое. Он знал, что у них были определенные политические цели, но доверял Агриппе. Агриппа, как и он сам, получил эллинистическое образование.

А Агриппа был таким же римским гражданином, как и он сам, а также евреем. Итак, он был тем евреем, которого римский правитель хотел бы слушать. И поэтому ему нужен совет этого парня.

Итак, говорит он ему, он немного оттеняет это. Он говорит, ну, знаешь, он себя хорошо выставляет. Но после того, как он упомянул об этой загадке, Агриппа, не зная, что делать, вызвался добровольцем.

Он говорит, что я сам хотел бы его послушать. И Фест говорит: ну, тогда завтра. Итак, они это устроили.

Теперь вот вопрос по этому поводу. Кто свидетели Луки в этой сцене? Может быть, в доме есть слуги? Может быть. Но этого не было в протоколе суда.

И как вы узнаете, о чем на самом деле произошел разговор? Что ж, здесь важен жанр древней историографии, потому что мы должны иметь в виду, что они предоставят вам имеющуюся у них информацию, но они также несут

ответственность за ее конкретизацию в виде сцен. И иногда вам придется представить, ладно, учитывая то, что мы знаем об уликах, что произошло? Ну, что мы знаем, что произошло? Вы узнаете это на следующий день, потому что Фестус говорит это, когда представляет дело. Он говорит: ну, Агриппа, мне нужен твой совет по этому делу.

Некоторые люди в Иерусалиме сказали, что этому человеку не следует жить, но что мне делать в этом случае? А обвиняли его уже в 25-й главе. Итак, 26-я глава дает нам слушание перед Фестом, Агриппой и Вереникой, чтобы определить, какое сопроводительное письмо в досье следует отправить в Рим. И здесь Павел красноречиво говорит, как красноречиво было его говорение на арамейском языке в предыдущей главе, так красноречиво его грекоязычие, но не предыдущая глава, предыдущая речь в 22-й главе, говорящая перед народом и говорящая об Анании, человеку очень разбирающийся в законе и просто подчеркивающий свои связи с Иерусалимом и так далее.

Здесь он говорит и произносит хорошую еврейскую, эллинистическую еврейскую речь, обращаясь к Агриппе. Он знает, что ему нужно поговорить с Агриппой. Ему предстоит убедить Агриппу.

Итак, он говорит о том, как голос с небес говорил о том, что Павел боролся с уколами. Что ж, Иисус, возможно, сказал это, или это может быть пересказ Павла, но что бы это ни было, поскольку это было на иврите, когда Иисус говорил с ним, или на арамейском языке, это было каким-то образом на семитском языке, говорит нам Деяния. Но он цитирует здесь Иисуса таким образом, чтобы это отражало язык Еврипида, и они могли это оценить.

И он дает весь этот отчет, он делится своим собственным опытом того, что сказал ему Иисус, и он больше не пытается защитить себя так, как он был в 24 главе, всю свою жизнь, а пытается проповедовать Евангелие. Почему? Что сказал Иисус? В 21-й главе Евангелия от Луки Иисус сказал: «Ради Меня вас приведут к царям и правителям». Луки, глава 12, Луки, глава 21, дух подскажет вам в тот час, что вам следует сказать, иначе они не смогут опровергнуть вашей мудрости.

А также, когда был призван Павел, Деяния 9:15 и так далее, вы будете проповедовать Евангелие перед язычниками и перед царями ради имени Моего. Что ж, теперь это его шанс. Вот Агриппа II, он не царь Иудеи, каким был его отец, но в данный момент он царь меньшего государства.

И у Павла есть шанс выступить перед этим царем. В какой-то момент Фест прерывает его, потому что Павел говорит о воскресении и о явлении ему Иисуса. А Фест уже сказал в предыдущей главе, что весь спор шел о Павле, который сказал, что мертвый человек, Иисус, жив.

Что ж, теперь, в главе 26, Фест прерывает его, что судьям было разрешено делать и часто делали, и говорит: Павел, твоя великая ученость свела тебя с ума. Это было своего рода полукомплиментом. Он признает, что Пол очень образован.

Это ему бы понравилось. В некоторых случаях безумие фактически используется как юридическая защита, но, вероятно, он не использует его в качестве юридической защиты. Иногда люди говорили о риториках как о безумцах, когда они говорили с большой страстью.

И некоторые люди думают, что это отражает страсть Пола. Но философы были склонны думать о людях, ну, люди часто думали, что философы действовали безумно, потому что они не жили в соответствии с ценностями остального мира, особенно такие люди, как циники. А философы часто думали, что остальной мир, массы, безумны.

Они не знали, о чем речь или что-то в этом роде. Итак, это также соответствует тому, как страстно говорил Павел, аналогичный язык вдохновения во 2-й главе Деяний. Но помните, что во 2-й главе Деяний толпа говорила: «Эти люди полны молодого вина». Они пьяны.

В 14-й главе 1 Коринфянам также говорится: если вы все говорите на языках, почему люди не думают, что вы сумасшедшие? Пророков в Ветхом Завете иногда называли сумасшедшими. В 9-й главе 4 Царств, когда пророк приходит в Ииуя, отводит его в сторону и помазывает следующим царем Израиля, он возвращается среди других военных офицеров и говорит: чего хотел этот безумец? А он говорит, ты знаешь в чем дело. И затем он рассказывает им, и они немедленно приветствуют его как короля.

Но пророки часто ассоциировались с безумием. Павел говорит таким пророческим образом. Он говорит так, что Фестус не понимает.

Примерно так же, вероятно, относился Пилат к Иисусу. Ну, особенно в 18-й главе Иоанна, где Иисус говорит о том, что он царь, но его царство не от мира сего. Это царство истины.

Что ж, для Пилата это звучало как циничный философ, безобидный, аполитичный мудрец. Королевство, а не угроза Риму. Итак, это не обязательно так уж плохо с точки зрения невиновности Павла, но он определенно не верит в то, что Павел говорил об Иисусе.

И тогда Павел обращается непосредственно к Агриппе. Царь Агриппа, ты знаешь правду о том, о чем я говорю. Я имею в виду, вы знаете, что этот вопрос не был

спрятан в углу, что тогда было идиомой или фигурой речи для чего-то широко известного, философских движений, которые были открытыми, и так далее.

Он говорит, что это дело не было сделано в углу. Король знает, что я говорю. И тогда он обращается к царю и говорит: о, царь Агриппа, ты веришь пророкам? Ну, он говорил от закона и пророков.

Он основывал это на пророках. Таким образом, это ставит царя Агриппу в угол. Если он скажет: да, я верю пророкам, или да, я верю тому, что вы говорите о пророках.

И вот он, видимо, отвечает, есть некоторые споры о том, что это значит, но, видимо, он отвечает, что за такое короткое время вы пытаетесь сделать из меня христианина. Вы пытаетесь заставить меня сказать: да, я согласен с пророками. Так что я согласен с вами.

Иисус — тот, кем вы говорите. И Павел отвечает, через короткое время или через долгое время, да, я хочу обратить тебя. Я бы хотел, чтобы у всех здесь было то, что есть у меня, кроме этих цепей.

Хороший пафосный финал. На этом этапе они прекращают судебное заседание и собираются вместе. И снова у нас есть частная сцена, где они собираются вместе и решают, что этот человек не сделал ничего, достойного смерти.

На самом деле его могли бы освободить, если бы он не обратился к Цезарю. Еще в главе 25 он обратился к Цезарю, чтобы ему не пришлось иметь дело в Риме, потому что Фест хотел передать его в Рим, чтобы оказать услугу. Я имею в виду, что было приятно прийти и иметь возможность политически угодить людям, которые просят провести это мероприятие в Риме.

Но Павел обратился к кесарю, как мог сделать гражданин. Ну, это было крайне нерегулярно. Вот почему Фест советуется со своим консилиумом и своим советником о том, что следует делать.

Потому что обычно вы можете подать апелляцию только после того, как вас осудят. Павел подает апелляцию до вынесения приговора, хотя до вынесения приговора его жизнь будет под большей угрозой, если ему придется поехать в Иерусалим на суд. Вместо этого Павел обращается к кесарю.

Что ж, советники Феста согласны: эй, это здорово для нас, потому что, если он обратится к Цезарю, мы отправим его к Цезарю. Выбивает это из наших рук. У нас нет проблем с иерусалимской элитой.

Это выше нашего понимания. Это в руках императора. Я имею в виду, что если мы прервем обращение к императору, мы позорим императора.

Так что лучше нам этого не делать. Таким образом, это очень легко решило для него политические вопросы. И так, они решают, что ему нужно пойти к императору.

Ну, откуда известна эта частная сцена? Эта частная сцена, по-видимому, реконструируется тем фактом, что причина, по которой Агриппа должен был провести это слушание, заключалась в том, чтобы Агриппа мог помочь Фесту сформулировать обвинение. Нельзя отправлять что-либо на суд Цезаря без хотя бы обвинения и объяснения, в чем дело. И по совету Агриппы это письмо можно отправить.

Опять же, это юридический документ. Павел и Лука знали бы, что содержится в юридическом документе. А даже если бы они этого не сделали, они, вероятно, могли бы узнать это из устных указаний, данных Юлию Сотнику, сопровождающему их, из-за очень хорошего обращения, которое Павел получает по дороге.

Хотя все станет лучше после того, как Центурион действительно поймет, что это человек Божий, у которого действительно есть какой-то сверхъестественный помощник на его стороне. И об этом мы узнаем больше на последнем и самом кратком из наших занятий по Деяниям.

Это доктор Крейг Кинер в своем учении по книге Деяний. Это 22-я сессия, главы 23-26 Деяний.